

RU

Рукописный этап в истории создания рассказа Л. Н. Толстого «Два старика» (1885-1886): вопросы текстологии и поэтики

Сизова И. И.

Аннотация. Цель исследования - реконструкция рукописного этапа в истории создания народного рассказа Л. Н. Толстого «Два старика» (1885-1886). На примере этого произведения поднимаются вопросы обоснования ранних редакций в рукописях, датирования, взаимодействия между автором и редакторами. Научная новизна заключается в рассмотрении впервые полностью расшифрованного рукописного фонда рассказа, а также документов из архивов Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова и издательства «Посредник». В результате классифицированы все уровни истории текста «Двух стариков» по рукописям: пересмотрена традиция обособления ранних редакций, уточнены хроника становления, структура художественного целого, обнаружены стороны негативного воздействия на творческий процесс Толстого его соратников по издательству «Посредник».

EN

Manuscript Stage in the History of Creation of L. N. Tolstoy's Short Story "Two Old Men" (1885-1886): Issues of Textual Studies and Poetics

Sizova I. I.

Abstract. The purpose of the research is to reconstruct the manuscript stage in the history of creation of L. N. Tolstoy's folk short story "Two Old Men" (1885-1886). Using the example of this work, the paper addresses the issues of substantiation of early revisions in the manuscripts, dating, interaction between the author and editors. Scientific novelty lies in considering for the first time the fully interpreted manuscript collection of the short story, as well as documents from the archives of L. N. Tolstoy, V. G. Chertkov and the "Intermediary" publishing house. As a result, all levels found in the history of the text of "Two Old Men" have been classified according to the manuscripts: the tradition of singling out early revisions has been reconsidered, the chronicle of formation, the structure of the creative whole have been clarified, the aspects of the negative impact made by Tolstoy's colleagues in the "Intermediary" publishing house on the writer's creative process have been identified.

Введение

Актуальность темы исследования определяет ряд нерешенных вопросов в истории создания рассказа Л. Н. Толстого «Два старика» (1885-1886). Нет единообразия в разграничении этапов развития замысла от сохранившихся рукописей до первых публикаций произведения, а также в научном обосновании их датирования. Не проведено критическое изучение разночтений между текстами «Посредника» (1885-1886) и 12-й части «Сочинений графа Л. Н. Толстого» (1886). Открыта проблема влияния на творческий процесс писателя со стороны близких ему по духу людей, критика Н. Н. Страхова, друга и последователя В. Г. Черткова, а также сотрудников издательства «Посредник».

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: освоить рукописный фонд рассказа «Два старика», который к настоящему времени не опубликован (Описание рукописей..., 1955, с. 280-281); определить, как отражается процесс создания произведения в дневниковых записях Толстого и в его эпистолярном общении с современниками; воссоздать этапы становления замысла, поэтической структуры по рукописям и биографическим фактам, выявить особенности постороннего влияния на творческое мышление Толстого.

Автор статьи сочетает несколько методов исследования: историко-литературный, биографический, критику текста, литературоведческие приемы в изучении художественного содержания и формы. В обозначении черновиков мы опираемся на их палеографические данные: *автограф* (написан только автором), *копия*

(выполнена другим лицом и поправлена автором), *рукопись* (состоит из автографа и копии), *наборная рукопись* (подготовлена переписчиком, исправлена автором, служит базой для типографского набора). Под *основным текстом* (среди рукописных и печатных материалов является главным источником для современной научной публикации) понимаем текст, в котором представлена творческая кульминация авторского замысла (Лихачев, 2006, с. 134).

Решение вопроса *редакций* объединяет задачи текстологии и литературоведения. Проследивая от рукописи к рукописи формирование сюжета, образов, композиции, изобразительных средств произведения, мы в первую очередь учитываем творческие устремления автора, его теоретические воззрения; внешние признаки рукописей (их обильная и многослойная правка Толстым) не имеют для нас ведущего, определяющего значения.

Под термином *реконструкция* понимаем воссоздание завершеного художественного целого по рукописям и достоверным биографическим фактам из писем и дневников.

Теоретическая база статьи включает труды по изучению истории текстов, оформлению рукописных редакций и вариантов при публикации Д. С. Лихачева (2006), Л. Д. Громовой-Опульской (2000, с. 5-8, 543-545); исследования, в которых поднимаются вопросы истории создания рассказа «Два старика» (Срезневский, 1930; 1937; Гусев, 1958; 1970; Опульская, 1982); учетные книги (описи) архивов Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова и круга «Посредника». В работе приводим архивную нумерацию документов как наиболее достоверную. В квадратных скобках цитируем вычеркнутое, в угловых – дополняем недописанное автором.

Практическая значимость статьи заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при формировании научного аппарата Полного собрания сочинений Толстого в 100-та томах (художественные произведения в 18-ти томах), в вузовских курсах по истории и теории литературы, а также по текстологии, при составлении учебных пособий.

Благодарим Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ОРГМТ) за предоставление для исследования фотокопий рукописей рассказа «Два старика», а также материалов из архивов Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова и издательства «Посредник».

Основная часть

Историография научной проблемы. Хронологическая последовательность в датировании рассказа «Два старика» разнородна. Наши предшественники – В. И. Срезневский (1930, с. 365; 1937, с. 704), Н. Н. Гусев (1958, с. 607, 610, 612; 1970, с. 411), Л. Д. Опульская (1982, с. 564) – с незначительными отличиями в деталях выделяют три этапа. Первый: конец мая – начало июня 1885 г. как время написания произведения. Второй: июль 1885 г. – период его активной правки. Третий: октябрь 1885 г. – получение цензурного разрешения (4 октября) и первая публикация в «Посреднике».

Между тем предложенная траектория не учитывает ряд обстоятельств, биографических и историко-литературных.

1. Творческую лабораторию писателя, его обращение к теме «героев... к<оторые> положили души за други своя»; эта тема охарактеризована подробно в письме Толстого к своему другу и единомышленнику Л. Д. Урусову от 1 (?) мая 1885 г. и кратко – в письме Толстого (1934, с. 242; 1935, с. 174) к В. Г. Черткову от 2 мая 1885 г.

2. Записи и пометы в рукописях, в том числе не связанные с содержанием рассказа. Упоминание писателя И. А. Панаева в одной из рукописей и в письме Толстого (1934, с. 236) к Л. Д. Урусову от 15 (?) апреля 1885 г. уточняет границы датирования черновых материалов (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 1).

3. Этапы подготовки произведения к публикации в «Посреднике» (1885-1886) и в 12-й части «Сочинений графа Л. Н. Толстого» (1886). Как показал анализ разночтений между изданиями, творческая работа автора *продолжалась* с осени 1885 г. по весну 1886 г. Толстой активно участвовал в составлении 12-й части и вносил в нее поправки (Сизова, 2017, с. 62-63). Рассуждение о завершении творческой работы Толстого над рассказом в июле или октябре 1885 г. не учитывает эти факты.

4. Непредвиденную задержку первой публикации «Посредника». Это обстоятельство опровергает датирование на основе цензурного разрешения, утверждение о том, что в «Посреднике» рассказ «вышел в свет отдельным изданием в *октябре* 1885 г.» (Опульская, 1982, с. 564).

В октябре между Л. Н. Толстым и В. Г. Чертковым обсуждались заглавие и детали поэтики произведения: в письмах В. Г. Черткова к Толстому от 20 и 26 октября и Толстого (1935, с. 267, 271, 273, 279) к В. Г. Черткову от 15-16 и 23 октября. Как нами обнаружено в письмах В. Г. Черткова к Толстому от 7 и 11 ноября, печатание в «Посреднике» осенью 1885 г. *задерживалось*: корректуры, которые вычитывал В. Г. Чертков, были дважды потеряны не по его вине (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, № 118/14, л. 6 об.; ф. 1, оп. 2, № 118/14, л. 1).

Неубедительны доводы ранней границы датирования Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровской и В. А. Жданова. Следуя их точке зрения, рассказ написан «не позднее первой половины июня 1885 г. и 3 июля был послан в издательство» (Описание рукописей..., 1955, с. 279).

Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская и В. А. Жданов вычленили в автографе *первую* редакцию, сославшись на «значительность» авторской переработки его нижнего слоя (Описание рукописей..., 1955, с. 280). Как промежуточная редакция ими была охарактеризована другая черновая рукопись, опись 3. Здесь, по наблюдению ученых, деление повествования на главы не соответствует «окончательной редакции» (Описание рукописей..., 1955, с. 280).

Противоположна точка зрения В. И. Срезневского (1937), выраженная в 25-м томе Юбилейного издания: ранний слой автографа представляет собой сжатый остов, из которого разовьется в дальнейшем целостное повествование. «Рассказ здесь еще очень краток, без подробностей, – констатирует В. И. Срезневский. – Эпизода о заходе Ермила на хату, где помогал Анисим, тоже нет» (с. 705).

Опора на палеографические характеристики рукописей в разграничении понятий *редакция* и *вариант*, центральная в исследованиях Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровской и В. А. Жданова, должна быть заменена комплексным анализом истории текстов произведений Толстого.

Проблема постороннего (редакторского) влияния на творческое мышление Толстого на стадии черновых материалов рассказа «Два старика» не становилась предметом научного исследования.

Рукописный фонд. Композиция основного текста. К настоящему времени сохранилось 88 рукописных листов рассказа «Два старика». Почти все они исписаны с обеих сторон, лицевой и оборотной (176 страниц). Нигде нет авторской даты. Заглавие «Два старика» стоит уже в автографе. 15-16 октября 1885 г. по просьбе В. Г. Черткова Толстой (1935) сформулировал его расширенный вариант, который соответствовал лубочным изданиям: «Два старика, или притча о том, что спастись можно во всяком месте» (с. 267). Под своим названием произведение упоминается в эпистолярной авторе только на стадиях подготовки к изданиям в «Посреднике» (1885-1886) и в 12-й части «Сочинений» (1886).

Толстой обращается к духовно близкой ему идее о деятельной помощи ближнему, рассматривает ее как путь приближения человека к Богу. В сюжетном строе он сочетает форму народного рассказа, богатого подробностями бытового уклада крестьян, с жанром путешествия на святую землю.

Два старика из одной деревни, давшие паломнический обет, отправляются на богомолье из центральной России в старый Иерусалим. В Малороссии один из них отстает и оказывает помощь людям, находящимся в бедственном положении. Другой благополучно достигает цели своего путешествия. Но посещение святынь не доставляет ему морального удовлетворения. Всюду в храмах он видит, как сосед, который потерялся в дороге, ставит свечи в кандило перед иконами. Поучение в рассказе Толстого сходно с христианской толковательной традицией: поклонение сакральным реликвиям не приносит пользы человеку, если не подкреплено его праведной жизнью.

Экспозиция рассказа знакомит с повседневной жизнью главных героев, Ефима Шевелева и Елисея Бодрова (I глава). Старики дают обет идти на богомолье в Иерусалим. Далее следуют их характеристики и диалог, в котором обсуждаются возможности и сроки предстоящего паломничества.

Завязывает действие начало странствия, путники направляются из центральной России в «хохлатчину» (II глава). Развивают повествование три развернутые части, две из них автономные. 1. Расставание Ефима и Елисея в «неурожайном месте» (III глава) (Толстой, 1937, с. 85). 2. История Елисея, его богоугодная помощь голодающим и возвращение домой (IV-VII главы). 3. История Ефима, его паломничество на святую землю и видения «старичка в кафтане сермяжном» (Толстой, 1937, с. 94) на богослужениях (VIII-X главы).

Подробности кульминации: Ефим идет из Иерусалима домой, в Малороссии знакомится с семьей, которой помог Елисей (XI глава). «Так вот он где, – думает, – упредил меня! Мои труды приняты, нет ли, а его-то принял Господь» (Толстой, 1937, с. 97).

Двухчастная развязка произведения сочетает событийный финал с поучением (XII глава). Соседи встречаются после долгих странствований. На примере своего друга Елисея Ефим постигает, что «на миру по смерть велел Бог отбывать каждому свой оброк – любовью и добрыми делами» (Толстой, 1937, с. 98).

Датирование рукописей: от косвенных признаков к прямым. Стадии становления рассказа в рукописях (за исключением корректур «Посредника») не отражены в эпистолярной Л. Н. Толстого и его окружения. Эти материалы не содержат *прямых* указаний для определения точного времени написания того или иного черновика, его обработки автором. Предложенные нашими предшественниками даты условны, основаны на *косвенных* данных, связанных, к примеру, с приездом в Ясную Поляну критика Н. Н. Страхова и с его оценкой тогда еще незавершенного произведения в письме к Н. Я. Данилевскому от 18 июня 1885 г. (Письма Н. Н. Страхова..., 1901, с. 137; Срезневский, 1930, с. 365; Гусев, 1970, с. 415; 1958, с. 607).

Если точная датировка невозможна, так как нет прямых указаний в самих рукописях, в дневниках, письмах Толстого и его близких, а также третьих лиц, подтвердим достоверные хронологические границы работы Толстого над рукописями.

Начало мая – конец июня 1885 г. как время создания и обработки черновых материалов (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1-5). Основания для датирования: письма Толстого от 1 (?) мая к Л. Д. Урусову, от 2 мая к В. Г. Черткову, от 20 (?) мая к Н. Н. Ге-отцу, от 1-2 июня к П. И. Бирюкову и от 17-18 июня к В. Г. Черткову.

1 (?) мая 1885 г. Толстой (1934) раскрыл Л. Д. Урусову свои творческие планы относительно «Чертковско-Сытинского дела» (т.е. для народного издательства «Посредник»), которое «идет хорошо» (с. 242). В частности, сообщалось, что «нынче» ему «пришла мысль» издавать «картинки» из жизни «героев», «которые» положили душу за други своя» (с. 242). Эта «мысль» «ужасно нравилась» (с. 242) и влекла своей чистотой. Писатель находил фальшивой и лицемерной пропаганду патриотизма; одним из литературных ее клише считал жизнеописание генерала М. Д. Скобелева. Художник обратился к типу рядового, обычного человека, пожертвовавшего необходимым (и даже своей жизнью) ради спасения нуждающихся в помощи. «Подвиг человеколюбия» крестьянина Елисея вполне соответствовал поставленной задаче.

2 мая тот же замысел был лаконично охарактеризован В. Г. Черткову: «Нынче пришла мне мысль картинок героев с надписями» (Толстой, 1935, с. 174).

20 (?) мая 1885 г. Толстой поделился с художником Н. Н. Ге радостью, которую он испытывал от интенсивной творческой деятельности. Переехав из Москвы в Ясную Поляну, писатель погрузился в работу «по горло» и был «этим» «счастливым». Продолжалась отделка социального трактата-«статьи» «Так что же нам делать?» (1884-1886). Направление «Посредника» (создание рассказов «Два старика» и «Свечка») преломила фраза: «...пишу для лубочных изданий» (Толстой, 1934, с. 249). К обоим произведениям можно отнести авторское признание в письмах к П. И. Бирюкову от 1-2 июня и к В. Г. Черткову от 17-18 июня 1885 г. 1-2 июня: «Я написал один рассказ, еще не поправил. Он ничего не имеет нецензурного, и потому, когда кончу, прямо отдам его Сытину» (Толстой, 1934, с. 256). 17-18 июня: «Я написал еще один рассказ для вас и, кажется, лучше прежних» (Толстой, 1935, с. 229).

На обложке черновой рукописи «Двух стариков» перечислены реальные исторические лица: «Урус<ову>, Панаев<у>, Сытину» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 1). Возможно, таким способом Толстой наметил адресатов своей планируемой корреспонденции или круг лиц, с которыми намеревался обсудить свое произведение. В. И. Срезневский, Э. Е. Зайденшнур, Е. С. Серебровская, В. А. Жданов не комментируют перечень Толстого (Срезневский, 1937, с. 706; Описание рукописей..., 1955, с. 280). Действительно, личности двух человек, И. Д. Сытина и Л. Д. Урусова, не требуют историко-литературного пояснения.

Полагаем, что третьим в списке фигурирует Ипполит Александрович Панаев (1822-1901). Толстой (1934) доброжелательно отзывался о книгах «философского содержания» «русского писателя», «критика научного направления» И. А. Панаева, «необыкновенно глубоких и занимательных», но «всеми презираемых», в письме к Л. Д. Урусову от 15 (?) апреля 1885 г. (с. 236). Упоминание И. А. Панаева в рукописи рассказа и в письме Толстого к Л. Д. Урусову от 15 (?) апреля служит дополнительным основанием для того, чтобы отодвинуть раннюю границу датирования черновых материалов рассказа к началу мая 1885 г.

В начале июля 1885 г. с издателем И. Д. Сытиным встречался в Москве по делам «Посредника» Н. Н. Страхов. По его свидетельству, И. Д. Сытин был воодушевлен тем, что «готовы» два новых рассказа Толстого, «Два старика» и «Свечка» (Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов..., 2003, с. 686). Как видно из письма Толстого (1934) к П. И. Бирюкову от 4 (?) июля 1885 г., автор просил И. Д. Сытина выслать в редакцию «Посредника» переписанные копии этих произведений для того, чтобы к ним можно было уже заказывать «картинки» (с. 270). Таким образом, к июлю 1885 г. работа Толстого над пятью черновыми описями была завершена.

Впервые на основе архивных данных устанавливаем точное датирование корректуры к изданию «Посредника» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6). В июле 1885 г. сотрудники «Посредника» обсуждали с Толстым и между собой отдельные фрагменты, которые они считали целесообразным изменить. Основание для датирования – **7 (!) новых документов**: письмо к Л. Н. Толстому П. И. Бирюкова от 6 июля, письма к Л. Н. Толстому А. М. Калмыковой от 6 и 19 июля, письма к В. Г. Черткову П. И. Бирюкова от 15 и 26 июля, первое и второе письмо к Л. Н. Толстому В. Г. Черткова от 20 июля.

«Два странника»: фольклорный исток замысла. В записной книжке Толстого (1952) 1879-1880 гг. к 1879 г. относится конспект легенды, составленный со слов олонецкого сказителя былин В. П. Щеголенка. Предание названо «Два странника». В рассказе «Два старика» использованы некоторые его сюжетные части в экспозиции, в истории Ефима и в развязке. Однажды два странника решили посетить Иерусалим. Собрали денег. Когда «пришел день», один из них отправился в путешествие, а другой – нет. Мотив видения Ефима, когда он наблюдает, как Елисей на святой земле ставит свечи в церквях, а также описание того, как Ефим разыскивает Елисея в иерусалимских храмах, переданы афористично: «Только пошел и видит – товарищ идет впереди и свечи ставит впереди, и путем не может догнать» (с. 208).

Тема морского путешествия всего лишь обозначена в строке: «И едут они к Царьграду на корабле» (Толстой, 1952, с. 208). Событийные узлы развязки, диалог героев при встрече после долгой разлуки сжаты, но информативны: «Приходит домой, товарищ дома. Ты ходил. Нет. А я видел, ты свечи ставил. Нет, я дома был, семейство бедного кормил» (Толстой, 1952, с. 208).

Этап автографа. 13 страниц автографа (7 листов размером «18×24», 6 листов заполнены текстом с обеих сторон; нумерация рукой Л. Н. Толстого) писались с увлечением, на одном дыхании (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 1-6 об.). Затем были расширены экспозиция, диалог мужиков, и завязка – обстоятельства ухода паломников из дома. Рассказу пока еще не предпослан эпиграф. Основные сюжетные коллизии, контуры опорных и второстепенных событий вполне сформировались, хотя и без разделения повествования на главы. Нет кульминационной части.

В экспозиции только намечены характеристики главных героев. Сведения о них лапидарны. Один старик, «постарше», богат, зовут его Ермил Шевелев. Другой – «помоложе», середняк, пчеловод Анисим Бодров (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 1). Их краткий диалог объясняет отсрочку путешествия. Богатого мужика задерживают хозяйственные хлопоты, домашние «дела», необходимость «собрать деньжонок» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 1).

Завязку действия на стадии автографа открывают подробности дорожных сборов. У Ермила деньги «запасены» дома; меньшую часть он забирает себе, большую – оставляет старухе (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 1 об.). Старшему сыну рачительный хозяин «приказывает» все дела: «...что когда делать и где сеять, и сколько и где покосов взять» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 1 об.). Анисим продает сначала мерина, затем – десять ульев и занимает еще у соседа до «будущего Рождества» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 1 об.). «Потужили домашние об мерине, да делать нечего. Нельзя старику оброка своего не отбыть. Осталась кобыла с жеребенком да третьяк в борону» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 1 об.).

Вполне сформирована первая из развивающих действие композиционных частей. Направляясь на юг, старики проходят «одну губернию за другой» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 1 об.). «Поизбили» они свои домашние лапти, начали покупать новые. «Идут хорошо, здоровы оба, и народ по дороге гостеприимный» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 2).

Толстой, внимательный к психологическому облику своих героев, намечает разницу в их душевном состоянии. Небогатый Анисим идет «весело», забыл про все дела, думает только о своей душе и о том, «как бы дорогой товарищу угодить», «как бы кому грубого слова не сказать», читает в одиночестве молитвы или жития по памяти, со странниками толкует про «божественное» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 1 об.). Ермил «тоже худого не делает» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 2), но в отличие от беспечного попутчика, погружен в материальный мир: никак не может забыть свои домашние хлопоты.

Товарищи расстаются в «большом селе» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 2 об.) Анисим захотел выпить и предложил другу идти «полегонечку», пока сам он забежит «в дворишко» «разживиться кваском» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 2 об.). Сговорившись о скорой встрече, один повернул к избе, а другой пошел «себе дорогой» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 2 об.).

История Анисима достаточно разработана. В небольшой мазаной хатке он находит бедствующих хозяев. Семья состоит из четырех человек. На лавке лежат мужик и девочка. На печи расположилась женщина (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 2 об. – 3). Мальчик служит в подпасах за 20 верст, «он и не знает», что родня голодает (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 3 об.). Гость просит у женщины выпить, но слышит в ответ, что воды нет, потому что все лежат больные и голодные. «Есть нечего. Второй день не ели» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 3). Анисим поделился своим хлебом, потом принес воды, нарубил дров, купил в лавке пшена, соли, муки, масла, остался ночевать у новых знакомых.

После обеда страдальцы рассказали, что с ними случилось. Жили они всегда небогато. «Хлеба своего никогда не хватало» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 3 об.). Случился неурожай. Всё проели и стали побираться, надоели соседям. Пришлось есть траву. «Да с травы ли или так» напала на всех болезнь, сначала на мужика, потом на бабу и на девочку (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 3 об.). Соседка, «такая же голь», ничем не может помочь, у нее маленькие дети. Своих двоих «малых детей» семья похоронила еще зимой (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 3 об.).

Наутро Анисим принимает решение остаться и помочь людям. Монолог героя развивает поучение, важную для автора идею о «живой» помощи людям. Позднее, в 1891-1892 гг., она побудит писателя к благотворительному труду для пострадавших от неурожая голодающих центрально-черноземных губерний. Приведем фрагмент целиком: «Куда, – говорит сам себе, – ты раб Божий идешь? – Куда? Ко [Христу] Гробу Христову? Ко Христу идешь? Не далеко ли ты, раб Божий, собрался? Далек ты Его ищешь. Али в тебе Его нет, что ты Его за морем ищешь и этих рабов Божиих бросишь. Нет, погожу догонять. Надо как-нибудь людей справить. Жалко и мужика-то, и бабу и девчонку сердечную жалко» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 3 об. – 4).

Как хозяин он взялся за домашнюю работу: пошел к богатому соседу, выкупил заложенную рожь, выкосил, приобрел лошадь. По деревне пошла «слава» про Анисима, стали его «почитать» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 4 об.). Постепенно окрепла и восстановилась новая семья героя. После пасхальных праздников, «разговорен», им было принято решение продолжить путь в Иерусалим. Отойдя за 5 верст, Анисим сел под «ракитку» и пересчитал свои деньги. Осталось у него 3 рубля и 20 копеек. Анисим понял, что Бог «не велит» ему совершить паломничество и в обход деревни, «кругом», «чтоб его люди не узнали», отправился домой (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 5). Близким он поведал, что «растерял» все деньги в дороге, выплатил долг, «отделил» 8 колодок пчел и стал жить «по-старому» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 5).

История Ермила на данном этапе кратка, фрагментарна, но акцентирует идеологическую сторону повествования. Эпизод «чудесного» видения, когда Ермил встречается возле гробницы Спасителя Анисима, эмоционально значим для наглядного смыслового единства в содержании рассказа. Не дождавшись своего товарища, Ермил продолжил свой путь. «Сошелся дорогой с странником и пошли вместе до Иерусалима» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 5 – 5 об.). Маршрут путешествия сложился сразу. Путники приходят в Одессу, садятся на корабль, достигают Яффы, «становятся» на подворье (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 5 об.).

Иерусалимские святые посещает очень много народа. «Пробившись» к свечам на «ранней обедне», Ермил видит «чудо»: впереди всех «у Гроба Господня» «блестит лысина» Анисима. Ему удается рассмотреть серые (затем – голубые) глаза, «длинные волоса» и нос друга. Толпа «зашевелилась», «отдавили Ефима в сторону», и он потерял из виду Анисима (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 5 об. – 6). После обеда Ермил отыскивал Анисима по подворьям, но не нашел. На другой день «чудо» повторилось. И снова, как ни «бился» Ермил, не смог «добраться» до Анисима (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 6). И на третий день случилось то же самое. Ермил пробыл в Иерусалиме 6 недель, побывал везде – и в Вифлееме, и в Иордане, закупил «всех святостей», «извел все деньги». Нигде не повстречался он с Анисимом. «Ровно год» продолжалось его паломничество, и «на весну» он вернулся к своим (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 6).

Развязка рассказа на событийном уровне осмысляет поучение: поклонение сакральным реликвиям без совершения добрых дел не приносит человеку пользу. Дома паломник столкнулся с множеством забот. Пришлось «укорять» сына за то, что тот пропал в кабаке за время отсутствия главы семьи, «замотался» и «провел» все деньги. В ответ мальчик «грубиянит» отцу (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 6).

Наутро, отправляясь к старосте, Ермил узнает от Анисимовой «старухи», что ее «старик» вернулся 8 месяцев назад, к Успенью, и теперь «огребает рои» на пчельнике (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 6 об.). Кумовья встречаются. В диалоге героев Толстой зачеркивает вариант начала, там Ермил сообщает другу, что видел его в Иерусалиме, и сосредотачивается на описании их текущих забот. У Ермила дела идут «плохо», «всё грехи»; Анисима «не по грехам Бог благословляет», на «убылое место» (вспомним, что он занял у соседа деньги на паломничество и оплатил этот долг пчелами) Бог посылает богатую роевщину, значительное нарождение молодой общины (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1, л. 6 об. – 7).

Этап первой копии. Первая копия выполнена С. А. Толстой. Из 10 листов 9 использованы с двух сторон. Всего в документе – 19 страниц; нумерация в правом верхнем углу рукой переписчицы. Размер нелинованной бумаги – «18×24» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, л. 1-10).

На данном этапе Толстой работает над характеристиками главных героев, обрисовывает их внешний облик и внутренние качества. Какое-то время он не мог определиться с выбором, попеременно акцентировал те или иные свойства. Гармония в их сочетании будет достигнута позднее. Обращает внимание тот факт, что с самого начала автор выделяет несходство, непохожесть этих героев, фиксирует разницу между ними в характере и во внешности.

Так, на правом поле листа, в описании состоятельного мужика, Ермила, первоначально превалировала портретная зарисовка. Он был «коренастый, здоровенный, рыжий и кудрявый». Затем на передний план выступили черты внутреннего облика – «хозяйственность», «строгость», трезвость, скромность, неприятие сквернословия: «...водки не пил, дурным словом не ругался». И только на следующей стадии к ним вновь добавились детали портрета: «Из себя он был худой, узкобродый, длинный, как плетень, называли его безкишечным. [Волоса были длинными и на макушке плешь]» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, л. 1).

Та же перестановка произошла в изображении небогатого «старичка», Анисима (позже: Елисея). Черты внешности: «невысокий», «коренастый» – уступили первенство нравственным свойствам: «добродушный весельчак, и водку пил, только в меру», – продолженным портретным эскизом: «Из себя был мужичок невысокий, коренастенький, черноватый и по своему святому с лысиной во всю голову» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, л. 1).

Писатель заостряет внимание на чрезмерности, избыточности увлечения «степенного» мужика хозяйством, мирскими делами. Отправляясь на богомолье, он «приказывает» старшему сыну «все дела». Сначала усматривались кулацкие задатки в личности героя, при постройке нового дома он пользуется наемным трудом и выступает как работодатель: «[...и какие деревья положить, и как плотников расчесть, и как крыть, и что когда делать]». Затем автор приглашает критику, но не отказывается от этой стороны в социальной характеристике паломника, выдвигая на передний план земледельческие работы: «...и где сеять, и сколько и где покосов взять, и как избу покрыть» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, л. 2).

Доминирующее значение приобретает в первой копии работа Л. Н. Толстого над широкой панорамой голода в малороссийской деревне. Неурожаем выкашивал людей, во дворе «небольшой» «мазаной» «хатки» никто не встретил незваного гостя. И у крылечка не было никого: «...ни человека, ни скотины, ни курицы, ни собаки» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, л. 4). Уточнился состав голодающей семьи; теперь это мужчина, пожилая крестьянка, девочка и молодая женщина. Когда Анисим входит в избу, заболевшая женщина, помоложе, лежит на кровати, пожилая – на печи (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, л. 4 об.). Трогательно, с глубоким состраданием описаны просьба изможденных людей «ради Христа» «принести» воды из «колодезя» и «поднять» их «дитятко», подробности того, как Анисим готовит простой ужин, состоящий из «похлебки»-«каши», или «кулешика» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, л. 5), его помощь по хозяйству, покупка косы, «бруска» для ее заточки, покосы на пашне (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, л. 5-6).

Изменение краткого эпизода о возвращении Анисима домой (концовка его паломнической истории) добавило больше положительных черт его характеру и в целом усилило контраст в композиции образов главных героев. Старуха хотела «утаить» народившихся пчел, чтобы сократить выплату долга. Но «Анисим сам знал какие холостые, какие роились, и соседу вместо 10 сам друг 20 отдал» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, л. 7).

Этап рукописи. Рукопись занимает 36 страниц (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 1-19). Из 19 листов нелинованной бумаги 17 заполнены с обеих сторон. На некоторых из них проступает фабричное клеймо. Документ включает копию рукою неизвестного помощника Л. Н. Толстого с правкой писателя и автографы (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 14 – 14 об., 17 – 17 об.). Размер бумаги – «18×24». На обложке переписчик поместил заглавия двух рассказов Толстого: «*Два старика*. Черновая под № 1. *Свечка* под № 2»; в правом верхнем углу каллиграфическим почерком выведен порядковый номер: «№ 1» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 1).

Лист обложки использован Толстым для отдельных записей, не связанных по своему содержанию с «Двумя стариками». В левом поле листа чернильным пером писатель начал фразу: «Васил<ий> говор<ит?>». По центру над заглавием рассказа карандашом он наметил список: «Урус<ову>, Панаев<у>, Сытину» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 1). Упоминание И. А. Панаева в рукописи и в письме Толстого к Л. Д. Урусову от 15 (?) апреля 1885 г. укореняет раннюю границу датирования черновых материалов произведения началом мая 1885 г.

Писатель впервые распределяет повествование на главы, упорядочивает структуру рассказа. Экспозиция составила I главу. Ее начало: «Собрались 2 старика Богу молиться в старый Иерусалим» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 2) – и завершение: «Проводили домашние за околицу, попрощались. Пошли старики в путь дорогу» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, л. 4). В этой части Толстой дорабатывает характеристики мужиков и их диалог, планы на путешествие.

Вставки о трудовых историях главных героев подчеркивали социальные различия между ними, уточнялся состав их семей, корректировалось описание их нрава. Богатый мужик (Ермил Шевелев) «два срока выседел в старшинах и высадили без начета»; семья у него была большая, и все его боялись (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 2). Новый фрагмент дает представление о том, что Ермил добросовестно, без денежных взысканий («начета») 6 лет исполнял обязанности волостного старшины – должностного лица крестьянского общественного управления, формировавшегося в Российской империи в процессе крестьянских реформ 1837-1841 гг. и 1861 г.; старшина избирался волостным сходом на 3 года и до 1889 г. утверждался мировым посредником.

Елисей Бодров в прошлом – всего лишь плотник: «...хаживал прежде по плотницкой работе»; «а как поднялся сын, стал дома жить и завел пчел». Далее развернут его нравственный эскиз: «Человек был Елисей смиренный и веселый» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 2).

Измененные детали усугубляют антитезу между двумя героями, внешнюю и внутреннюю. В правке Толстого ощутима его настороженность по отношению к социальному расслоению крестьянской среды. Поэтому откорректированный диалог мужиков предостерегает от избыточности увлечения материальными заботами. «Затеял я избу, – сетует Ермил Елисею (Анисиму), – думал что-нибудь на сотню накинута, а она уже

в 3-ю сотню лезет» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 2 об.). Страх потерять имущество, достаток и впасть в нужду про-
ступает в опасении Ермила оставить все дела сыну на время паломничества:

«– Сын-то ненадежен. Загибается.

– Были и мы молодцы. Не безгрешные тоже. Надо и сыну поучиться» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 4).

Завязка действия выведена во II главу: кумовья прощаются с домочадцами и отправляются в путеше-
ствие. Начало этой части в рукописи: «Вышел [Ермил] Елисей с веселым духом, как отошел от деревни, все
дела свои забыл» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 4 об.). Ее завершение: «И пошел Ермил вперед, а Елисей повернул»
(ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 6). Расставание Ермила и Елисея пока не определено в отдельную часть сюжета, оно
остается «встроенным» в завязку.

Толстой укрупняет панорамное описание голода в южных губерниях. Несчастье от неурожая приобрело
массовый характер, затронуло людей разного имущественного состояния, богатых, середняков и бедных.
«Которые богатые были, разорились, всё распродали, которые средственно жили, на нет сошли, а бедняки
так или уехали совсем, или дома кое-как перебивались и по миру ходили, мякину, лебеду и траву ели»
(ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 5 об.).

Развивают действие две самостоятельные части: истории Елисея и Ермила. История Елисея (включая его
возвращение домой) охватила 4 главы: с III по VI.

Начало III главы: «Подошел Елисей к хатке. Стоит на дворе, и никого не видать» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 6).
Ее завершение: «Наутро попросила [и] женщина поесть. И очнулась совсем» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 8 об.).

Начало IV главы: «Наутро стал Елисей людей расспрашивать, как и отчего с ними всё сделалось»
(ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 8 об.). Ее завершение: «Лежала только баба, но и она уж стала подниматься сама»
(ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 10 об.).

Начало V главы: «[Хотел Елисей идти, да] Подошел Петров день. Хотел Елисей уходить, да думает: дай
разговееюсь с ними – тогда – тогда и пойду» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 10 об.). Ее завершение: «Поднялся Елисей, увязал
сумку, обулся, одел кафтан и пошел в путь за Ермилом» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 12).

Начало VI главы: «Отошел Елисей верст 5, стало светать. Сел он под дерево, развязал сумочку, стал счи-
тать, сосчитал, осталось денег семнадцать рублей 20 копеек» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 12 об.). Ее завершение:
«Убрался Елисей, услал сына на заработки, а сам засел на зиму лапти плести и колодки долбить» (ОРГМТ,
ф. 1, оп. 3, л. 13 об.).

Правка истории Елисея высветила неприглядные стороны в изображении картины голода уже на кон-
кретном примере, в отдельно взятой семье. «Уж не беда ли какая с людьми? Поглядеть надо», – говорит сам
себе Елисей во дворе хатки (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 6).

Писатель вновь обращается к образам голодающей семьи; ее состав снова изменен. Теперь это мужик
«молодой» и «безбородый» на лавке (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 6); женщина, которая лежит «за печью на кровати»;
«Та и не глядит, только хрипит – тяжело дышит, и ногу то вытянет, то подтянет» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 7).
Мальчик, «годов двух», «белый, как восковой, ручонки, как кисточки у оборочки», сидит на полу возле кроват-
и, играет; на печи «рядом лежат» старуха и девочка (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 7).

Трансформация темы голода в южных губерниях придала этому вопросу государственный масштаб: стра-
дания семьи Толстой истолковывает как закономерное последствие не столько эпидемического, сколько
экономического кризиса в стране. Появились вставки о том, что дети (мальчик и девочка) вчера «последнюю
корку» доели (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 7). Ломоть хлеба, отрезанный Елисеем, мальчик «ухватил обеими ручон-
ками, с носом в хлеб ушел» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 7 об.). Раскрыты обстоятельства болезни молодой женщи-
ны, которая питалась травой вместо хлеба (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 8). Повсеместны безработица: мужчина ни-
где не может устроиться – «народ везде из-за корму в работу набирается», – и вынужденное попрошайниче-
ство, нищество: «...соседи рады бы дать, да нечего» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 9). Остро поставлена тема прину-
дительного бродяжничества ребенка: девочку отправляют из дома побираться, «посылали ее к соседям –
не пошла» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 9 об.).

На этом фоне убедительными, вескими становятся уточнения монолога героя, когда Елисей, под впечат-
лением увиденного, отказывается идти на святую землю: «Нельзя тебе к Его Гробу идти, если ты этих рабов
Его бросишь. Подыми их, тогда иди. И раздумал уходить» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 10).

Неприятие Толстым имущественного неравенства в деревне, несправедного обогащения кулаков выявила
вставка о том, как мужик, оправившись от болезни, отправляется к богатому односельчанину «милости про-
сить». Заложены были богачу пашня и покос. Бедняк надеялся вернуть их до новины. Но богатый мужик
«не помиловал» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 11).

Паломническую историю Ермила (VII глава) расширили новые сюжетные повороты, географические по-
дробности, зарисовки святых мест в Иерусалиме.

Начало VII главы: «[Долго ждал Елисея Ермил за лесом, когда остался Елисей в хате у больных людей.
Не хотелось Ермилу бросить товарища]. В тот день, как остался Елисей в хате у больных людей, ждал Ермил
товарища» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 13 об.). Ее завершение: «Пошел Ермил назад к дому. Дошел до Яффы, сел
на корабль, приплыл в Одессу и пошел пешеходом домой» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 16 об.).

Не дождавшись своего товарища, Ермил возвращается в деревню, везде о нем расспрашивает. Но поиски
его напрасны: «...нигде нет Елисея» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 13 об.). Потужил Ермил и «пошел дальше, надеясь
“сойтись” с другом на корабле или в Иерусалиме» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 15). Дорогой Ермил «сходится»
со странником, который «идет тоже в Иерусалим» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 15); вместе они преодолевают путь
до Одессы и садятся там на корабль.

Обрисовка святынь христианского квартала Иерусалима формировалась длительно и напряженно. Вписанный между строк и на правом поле листа текст был несколько раз поправлен, потом вычеркнут, работа была начата заново на отдельном листе (автограф – л. 14 и 14 об.). Этот опыт Толстого-художника уникален: в повествовании воссоздан в сжатой очерковой форме полный путь Иисуса Христа от места, где Он был осужден, до места Его распятия.

Писателю удается передать масштабность и величественность храмового комплекса Воскресения Христова, обратить внимание на приделы, связанные с тем или иным моментом распятия Иисуса Христа. Сначала показан камень помазания миром; на этом месте праведный Иосиф с Никодимом положили тело Иисуса Христа по снятии Его с креста, помазали благовониями и обвили плащаницей. Затем следует эскиз Голгофы – «лобного места», горы, на которой распинали преступников; этот придел расположен в храме недалеко от святых врат и камня помазания. Проникновенно изображение глубокой трещины, образовавшейся во время землетрясения, произошедшего в тот момент, когда Богочеловек испустил Свой дух. По этой трещине кровь Спасителя стекала вниз до черепа Адама (придел Адама в храме). Далее очерчен придел тернового венца и поругания; здесь находится часть камня, на котором сидел Господь во время возложения на Него багряницы и тернового венца. Завершают картину эскизы придела обретения животворящего креста в подземной церкви св. Елены, матери императора Константина, и кувуклии Гроба Господня.

Среди других христианских паломнических мест в Иерусалиме упомянуты «странноприимницы», или помещения для богомольцев – «Патриарший» и «Авраамов» «монастыри», часовня Марии Египетской, «где она спасалась» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 14), кафедральный собор св. Иакова, «брата Господня», апостола из числа семидесяти, первого епископа Иерусалимского.

Отображение святынь контрастно оттеняет мотив денег, потраченных или украденных во время паломничества; деталь принимает символическое звучание в композиционном противопоставлении главных героев, Ермила и Елисея. На одном поле пожертвование избавляет от голода и неминуемой смерти, другое – исключает в подавании сострадание. «Везде помолились, везде свечи поставили, деньги подали»; «Опять все места показывал странник и везде сказывал, сколько где денег подавать надо»; вернувшись на подворье, богомольцы узнают, что у странника был украден «портмоне с деньгами»; вместо молитвенного чтения Ермила одолевает «искушение», он сомневается в том, были или нет на самом деле у странника деньги: «Нигде он не подавал. Мне приказывал подавать, а сам не давал да и у меня рубль взял» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 14).

События кульминационной части впервые появились на этапе рукописи и были здесь сконцентрированы в VIII главе. Ее начало: «Идет Ермил один скучно. Стал к дому подходить, опять напала на него забота» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 17 об.). И завершение: «Накормили наутро люди Ермила, еще перед уходом наклали галушек на дорогу и пошли на работу, а Ермил в путь-дорогу» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 17 об.).

По дороге домой, в том селе, где «запрошлый год» Ермил «расстрелялся» (так в источнике) с Елисеем (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 16 об.), он посещает семью, которой помог его друг, отказавшись от паломничества. Девочка приглашает гостя в дом, женщина с мальчиком приветствуют его на крыльце. От новых знакомых Ермил узнает подробности их спасения, милосердного служения Елисея: «Пришли мы в отчаяние, на Бога и на людей роптали. А он нас и на ноги поставил, и через него мы в добрых людей уверовали и Бога узнали» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 17).

Небольшой фрагмент автографа подвергся впоследствии корректировке автора, опасавшегося давления цензуры при издании произведения; это обстоятельство отразилось в письме Толстого (1935) к В. Г. Черткову от 23 октября 1885 г.: «...только бы цензура не помешала» (с. 270). Воспоминания семьи о своем спасителе переданы с теплотой и добродушием; маленькая девочка удивляется тому, что бабушка сравнивает их благодетеля с ангелом: «– Как же, – говорит, – бабушка, он табак нюхал, да и плешивый б<ыл>. Разве ангелы плешивые бывают?» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 17).

Осторожность Толстого (1937) повлекла нетворческое исправление исходного замысла. Писатель придал реплике девочки предметно-бытовое значение: «...нет, бабушка, он прежде посередине хаты поставил сумку, а потом на лавку убрал» (с. 97). Так рассказ утратил комическую тональность, благодушно-веселую, беззлобную художественную деталь, которая оттеняла шутивным эпизодом целостный назидательно-строгий фон повествования.

В. Г. Чертков, читавший «разнообразным» слушателям «первоначальный вид» отрывка, признавался в письме к Толстому от 20 октября 1885 г. в том, что эти «строчки» всегда «вызывали» «самый невинный», «добродушный смех». Подобные «места» в сочинениях Толстого (1935), по убеждению В. Г. Черткова, «подбодряют» людей, «прерывают» некоторую «сдержанную напряженность» содержания, вносят в него «элемент веселости, оживленности». В. Г. Чертков находил, что «пестренькие мазки» такого рода имеют «большое значение» в общей «картине» и сожалел, что Толстой исключил один из них (с. 271).

После тщательного обсуждения Л. Н. Толстой и В. Г. Чертков всё же приняли решение не «сохранять» фрагмент по цензурным условиям. 26 октября 1885 г. в письме В. Г. Черткова к Толстому (1935) был подведен итог: «Относительно „Двух стариков“ я попросил Сытина поскорее издать их без вставки того места об ангеле и без полного заглавия. Так как этот рассказ и так с трудом прошел, то я побоялся, чтобы как-нибудь при вторичном представлении в цензуру не остановили бы его совсем» (с. 273).

Возвращение Ермила домой, его встреча с родными и Елисеем, духовное прозрение Ермила – основа развязки действия, вынесенной в IX главу. Ее начало: «Ровно год проходил Ермил. На весну вернулся домой» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 16 об.). И завершение: «И переменял свою жизнь Ер<мил>, стал не столько о доме, сколько о душе своей думать» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 18 об.). Правка этой части выделила два полюса идеологического

«поля» рассказа: своим наставлением Толстой предостерегает от всецелого погружения в повседневные заботы, побуждает к «пробуждению», «рождению» в человеке его «души»: «[И понял он, что не отмолить грехов ни у угодников, ни в Иерусалиме, а что в своем сердце, пока жив, надо отгребаться от них. И переменял свою жизнь. И стал не столько о доме, сколько о душе думать]» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 18 об.).

Этап второй копии. Вторая копия подготовлена А. П. Ивановым, занимает 12 листов (22 страницы), л. 12 чист. Формат нелинованной бумаги «18×24», нумерация рукой переписчика в правом верхнем углу; расстояние между строк 2 см. Правка Толстого незначительна. Документ фрагментарен, состоит из VII (без начала), VIII и IX глав. Один из главных героев рассказа, иерусалимский паломник, носит здесь имя Ефим (ОРГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 2, 4, 5, 6, 6 об.); ранее он был назван Ермилом.

На данной стадии в произведении появился эпиграф, в копии он не сохранился. Толстой обратился к Евангелию от Иоанна, к IV главе, стихам 19–23. Это разговор Иисуса Христа с самарянкой о том, где и как нужно правильно молиться. «Отцы наши поклонялись на этой горе, – недоумевают самарянка, – а вы говорите, что место, где должно поклоняться, находится в Иерусалиме». Иисус Христос вразумляет свою собеседницу в том, что уже наступают времена, когда люди поклоняются Богу везде, не только в Иерусалиме или на горе Гаризим; и поклонение это осуществляется в «духе» и «истине», т.е. не внешними знаками почтения, а мысленно и душевно (Гладков, 2002, с. 155).

Толстой увлеченно продолжил в копии работу над темой паломничества, над описанием святынь и последовательности богослужений. Так, уточнилось время посещения богомольцами Гроба Господня: «...пускают от 2 до захода солнца» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 1). Или – к слову «обедня» было вписано определение «ранняя» во фразе: «Стали служить раннюю обедню у гроба Господня» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 3 об.). К эскизу придела камня помазания миром, что в храме Воскресения Христова, добавлена помета «9 подсвечников» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 2 об.).

Появились лаконичные зарисовки иных паломнических мест, связанных с библейской историей: Вифании, известной историей Лазаря и его воскрешения, Вифлеема, где родился Иисус Христос, Елеонской (Масличной) горы, откуда Он вознесся, дерева, на котором повесился Иуда Искариот (ОРГМТ, ф. 1, оп. 4, л. 6 об.).

Этап наборной рукописи. Наборная рукопись выполнена А. П. Ивановым на материале второй копии (включая несохранившиеся ее листы), его же рукой подписана: «Л. Толстой» – вычеркнуто автором в процессе правки (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 28). Занимает 28 листов (66 страниц). Формат нелинованной бумаги «18×24», нумерация переписчика в правом верхнем углу каждого листа. Прочитываются фамилии наборщиков: «Осипов», «Бабаев», «Титов» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 1, 11, 20). Деление повествования на главы соответствует основному тексту.

Л. Н. Толстой немного поправил наборную рукопись. Внося смысловые и стилистические уточнения, писатель по существу закреплял уже сложившееся художественное целое, дополнял общую картину важными, яркими штрихами и деталями; при всей своей живописности они всё же обладали периферическим, а не магистральным значением в структурном многоголосии произведения.

Так, композиционную антитезу героев упрочила новая реплика Елисея в его диалоге с Ефимом: «Дороже души ничего нет» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 3 об.).

В истории Елисея доминантными для автора продолжают оставаться семья голодающих, ее состав, портретные характеристики ее членов, а также коллективный образ народа – крестьян малороссийской деревни. В описании мужика зафиксированы черты его внешности – «безбородый, худой» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 7 об.). Тяжесть болезни женщины подчеркнуло вписанное наречие: она лежит на кровати «ничком» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 8 об.). О том, что поступок Елисея угоден Богу, опосредованно свидетельствуют вставки от лица повествователя о разговорах, которые ведутся в деревне. В «крайней избе», у «Гришка» появился благодетель, «святой человек», который «[всего ему накупил, и покос, и пашню выкупил, а теперь у кабачника для него лошадь с телегой купил]»; «Сначала, говорит, не признали его, думали, простой человек» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 14).

Положительно выделяет образ Елисея доработка Толстым его внутреннего монолога, когда Елисей, потратив все деньги на голодающих (осталось всего 17 рублей и 20 копеек), отказывается путешествовать на святую землю «Христовым именем», опасаясь совершить еще «большой» «грех»: «С этим не дойдешь. И Христовым именем идти как бы греха больше не было. [Видно, остался оброк этот на мне]» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 15 об.).

Изменение паломнической истории Ефима затронуло несколько сторон повествования. Уточнилась композиционная роль образа странника (как проводника по Иерусалиму и его окрестностям), при этом далее Толстой оставит «сниженную» темой денег трактовку этого образа: «Обещал странник всё показывать и наставлять, где и как быть» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 18). В эскиз морского пути в порт Яффы добавлены строки о волнении на море и качке в дороге; этот повторяющийся элемент сюжета часто встречается в паломнической литературе: «Поплыли морем, покачало дорогой. Приплыли все к берегу» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 18 об.).

Вставки в описание храма Воскресения Христова раскрывают его осмысление Толстым как главной святыни Иерусалима и всего христианского мира. Появляется важная смысловая подробность, символический образ «пуп земли», он понимается и как философское понятие центра мира (о Иерусалиме), и как святое место возле входа в пещеру Гроба Господня; мотив «застройки» храма выделяет многовековую историческую ретроспективу его архитектуры, разрушения, восстановления, перестройки и расширения этого сооружения: «Застроен весь храм так, что и не видать его. Только виден в крыше пролет, где самый Гроб» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 19).

Толстой представляет христианство как крупное по числу приверженцев в мире вероисповедание. Многообразие народов у иерусалимской святыни подчеркнула новая фраза: «...и греков, и армян, и турок, и сирий» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 20). «Обедня» у Гроба Господня объединяет множество паломников: «Стеснился

народ так, что пошевелиться нельзя, навалились друг на дружку так, что ни вперед, ни назад продора нет» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 21).

Тема прозрения Ефима привлекла внимание писателя в кульминационной части рассказа. Оставшись на ночлег в гостеприимном доме малороссийской семьи, Ефим под впечатлением рассказа о помощи Елисея мучается бессонницей и признается сам себе в том, что у Гроба Господня были только его ноги. Назидательная вставка в раздумье героя: «А сам ты был ли, нет ли – еще Бог знает» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5, л. 26).

Этап корректур «Посредника». Сохранилось 12 листов гранок к изданию «Посредника» (1885-1886) без исправлений Л. Н. Толстого, но с редакторскими замечаниями его последователя и биографа П. И. Бирюкова, а также педагога А. М. Калмыковой. Заглавие: «Два старика». Цифры в эпитафии перед текстом, как в 12-й части «Сочинений» (1886): «Иоанн IV, 19 – Женщина говорит Ему...» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6, л. 1). Начало корректуры: «Собрались два старика Богу молиться...» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6, л. 1). Ее окончание: «...любовью и добрыми делами» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6, л. 12).

Замечания П. И. Бирюкова, поддержанные В. Г. Чертковым и в меньшей степени А. М. Калмыковой, затронули 4 фрагмента в документе. Критические суждения близкого круга Л. Н. Толстого по «Посреднику» поднимают вопросы теории искусства, назначения художественного творчества, эстетической организации произведения. Их анализ убеждает в том, что Толстого и его помощников в деле просвещения народа разделяли противоположные мнения о способах отражения искусством действительного мира. П. И. Бирюков и В. Г. Чертков узко понимали, скорее категорически отрицали, сущность художественного вымысла и художественной условности, упрощали многогранность художественной правды, трактовали эту категорию как неукоснительное следование нравственным истинам, твердо настаивали на зеркальном сходстве поэтических образов с реальностью. В то же время их настораживала «неудобная» сторона творческой манеры Толстого-художника, когда «правда натуры» излишне усиливала изъяны действительности в произведении.

Вследствие этого в описании голодающей семьи редакторам рассказа не «понравилась» определенные детали в образе больной женщины (IV глава); им показались чрезмерно грубыми, натуралистическими те подробности, которые подчеркивали тяжелое течение ее болезни и усиливали неприглядность этого состояния. Фраза была рекомендована к удалению, взята в скобки простым карандашом: «...видно, под себя ходит и убрать ее некому» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6, л. 3). Толстой оставил свой вариант, он передан в издании «Посредника» и в 12-й части «Сочинений» (Толстой, 1886, с. 12; Сочинения..., 1886, с. 71).

В трех других фрагментах последователи Толстого возражали против того, что герой (Елисей), с их точки зрения, говорит «неправду», и предлагали, как явствует из письма П. И. Бирюкова к Толстому от 6 июля 1885 г., «[исправить]» или «изменить» эти «места», если он «согласится» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, № 85/1-6, л. 1 об.).

В VI главе на вопрос мужика: «Чья, говорит, это у тебя лошадь, дедушка?» – Елисей ему отвечает: «Себе, говорит, купил, надо товарища догонять. Догоню, тогда продам. Дешево попалась» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6, л. 6). Уклончивые слова в реплике Елисея скрывали его скромность и сдержанность, нежелание привлекать к себе избыточное внимание; фраза была подчеркнута красным карандашом и вычеркнута синим.

В VII главе неожиданное для всех возвращение из паломничества Елисей объясняет своей семье и родным Ефима следующим образом: «...растерял дорогой деньги и расстрялся <так в источнике> с товарищем»; «...дела подошли: растерял я деньги, и не с чем стало идти, так и вернулся» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6, л. 6-7). Оба предложения выделены красным карандашом. Слово «растерял» обведено синим карандашом. Тем же цветом вписана между печатными строками предлагаемая замена: «растратил» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6, л. 6-7).

15 июля 1885 г. в письме к В. Г. Черткову П. И. Бирюков обратил его внимание на то, что Толстой в тех «местах» рассказа, где Елисей «два раза говорит неправду», «бессознательно» или «по художественному» «отступает» от «истины» (ОРГМТ, ф. 60, кп. 17022/20, инв. 59535, л. 1).

Во втором письме к Л. Н. Толстому от 20 июля 1885 г. В. Г. Чертков признавался Толстому в том, что согласен с «впечатлением» П. И. Бирюкова, и настаивал на правоте их точки зрения: «...лучше бы, если бы Вы не заставили Елисея прибегать к маленькому словесному обману для прикрытия своего доброго поступка» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, № 118/12-5, л. 1). Оппоненты писателя были непреклонны: «изображать» в произведении художник должен лишь то, «что действительно могло быть и в большинстве случаев бывает» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, № 118/12-5, л. 1).

26 июля 1885 г. П. И. Бирюков закончил вычитывать и сверять очередную «последнюю» корректуру «Двух стариков» и уведомил в письме В. Г. Черткова, что Толстой всё же «оставил» «вторую ложь», но «согласен не считать это за ложь»; П. И. Бирюков допустил, что Толстой «употребил» слово «растерял» «в переносном смысле», однако, с его точки зрения, в любом случае это являлось «неправдой» (ОРГМТ, ф. 60, кп. 17022/20, инв. 59535, л. 1).

А. М. Калмыкова не нашла ничего «странного» в «местах», на которых сконцентрировались П. И. Бирюков и В. Г. Чертков, но признала правоту их повышенной требовательности к тому, что считать «правдой» искусства. 6 июля 1885 г. она подробно изложила в письме к Толстому свое мнение на этот вопрос: «Моей испорченной жизнью душе их *пуризм* пока не дается. Благое дело, или хорошее побуждение, или простая слабость человеческая служат достаточным оправданием для такого уклонен<ия> от истины. А они (Владимир Григорьевич и Павел Иванович) относятся иначе, и это, конечно, лучше» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2, № 153/143а, л. 2 – 2 об.).

В первых публикациях рассказа фрагменты, которые вызвали «прения» с Л. Н. Толстым его помощников о том, могут ли быть в искусстве «неправда» и «ложь», получили такое оформление. В VI главе была убрана часть реплики о том, что лошадь куплена для себя, чтобы догнать товарища: «– Откуда, – говорит, – конь

у тебя дедушка? – А купил, говорит. Дешево попалась» (Толстой, 1886, с. 19; Сочинения..., 1886, с. 76). Реплики Елисея из VII главы (о них писал П. И. Бирюков В. Г. Черткову 26 июля 1885 г.) сохранили авторское толкование взаимосвязи художественности и правды в искусстве. «Старик» говорит своим «домашним»: «Да не привел, говорит, Бог, растерял дорогой деньги и отстал от товарища. Так и не пошел» (Толстой, 1886, с. 20; Сочинения..., 1886, с. 77). И «Ефимовым» то же самое «сказал» Елисей: «...растерял я деньги, и не с чем стало идти, так и вернулся» (Толстой, 1886, с. 20; Сочинения..., 1886, с. 77).

Заключение

Итак, в настоящей статье впервые реконструирован рукописный этап в истории создания рассказа Л. Н. Толстого «Два старика» (1885–1886) на основе полностью расшифрованного неопубликованного архивного фонда этого произведения (88 листов / 176 страниц): 1) определено, как отражался творческий процесс в дневнике 1879 г. (легенда «Два странника») и в эпистолярном общении Толстого 1885 г., уточнено датирование сохранившихся рукописей (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1–6); 2) комплексно обосновано отсутствие ранних редакций в черновых материалах (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1–5): от текстологии (рукописи) → через поэтику → к художественному мышлению автора, так в хронологической очередности, от одного архивного источника к другому, охарактеризованы этапы реализации замысла, становление композиционной структуры и ключевых элементов содержания и формы; 3) сгруппированы особенности постороннего воздействия на художественный мир Толстого (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6), классифицирован их историко-литературный и теоретический контекст.

1. Проблема датирования. Мы пришли к заключению, что традиция датирования нижней границы рукописей (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1–5) последними числами мая – началом июня 1885 г. должна быть пересмотрена. Наиболее точен временной промежуток: **начало мая – конец июня 1885 г.** Основания для датирования: письма Толстого от 1 (?) мая к Л. Д. Урусову, от 2 мая к В. Г. Черткову, от 20 (?) мая к Н. Н. Ге (отцу), от 1–2 июня к П. И. Бирюкову, от 17–18 июня к В. Г. Черткову. Этот эпистолярный блок раскрывает идейно-тематическое своеобразие замысла и самые «общие» авторские признания о ходе своей работы: «пишу» (Н. Н. Ге) и «написал» (П. И. Бирюкову и В. Г. Черткову).

Мы видим здесь, как современная тема – одна из «картинок», «герой» которой «готов» многим пожертвовать, «положить душу», чтобы спасти людей от гибели, иллюстрирует философию Толстого, противопоставление «личного» и «общего» «блага» на широком историко-литературном фоне паломнического жанра; его фольклорный источник, вариант легенды «Два странника», уже был записан в 1879 г. от сказителя былин В. П. Щеголенка.

По нашему наблюдению, дополнительным основанием для того, чтобы отодвинуть нижнюю границу датирования к началу мая, является не связанная с содержанием рассказа помета Толстого на обложке рукописи (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3, л. 1). Репрезентация в черновике философского наследия И. А. Панаева переключается с его положительной оценкой Л. Н. Толстым в письме к Л. Д. Урусову от 15 (?) апреля.

Как нами было выявлено, **июль 1885 г.** отличает напряженное творческое взаимодействие Толстого с редакцией «Посредника» (П. И. Бирюков, А. М. Калмыкова, В. Г. Чертков), готовившей первую публикацию произведения в народном издании (ранняя сохранившаяся корректура (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6)). Основание для датирования – **7 новых документов** 1885 г., обнаруженных в архивах Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова и издательства «Посредник» (ОРГМТ): письмо к Л. Н. Толстому П. И. Бирюкова от 6 июля, письма к Л. Н. Толстому А. М. Калмыковой от 6 и 19 июля, письма к В. Г. Черткову П. И. Бирюкова от 15 и 26 июля, два письма к Л. Н. Толстому В. Г. Черткова от 20 июля.

2. Проблема редакций. Полученные результаты показали, что рукописи рассказа «Два старика» не содержат предпосылок для вычленения в них, как это принято традицией, первой и промежуточной редакций. В истории текста этого произведения реализована творческая задача Толстого-художника: создать образец общедоступного искусства, в котором народ выступает полноправным его объектом и субъектом. Многообразие компонентов поэтического строя замысла тоже не претерпело существенного преобразования в ходе его осуществления. Идейно-тематическое единство выразило противопоставление «личного» и «общего» «блага» (художественный исток философского трактата «О жизни», 1886–1887) через призму социальной и экономической проблемы голода в деревне; на событийно-сюжетном уровне ее постепенно раскрывало описание паломничества в Палестину уроженцев одной деревни Ефима Шевелева и Елисея Бодрова.

Считаем, что художественное целое – все элементы содержания и формы, их стилистические признаки (созвучие малороссийских и русских речевых форм, деталей крестьянского труда и быта, христианских святынь Палестины, хода богослужений в храмовом комплексе Воскресения Христова в Иерусалиме, организации паломничества непосредственно на святой земле) – формировалось от рукописей к первым публикациям в такой **последовательности**:

1) этап автографа (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1) → 2) этап первой копии (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2) → 3) этап рукописи (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3) → 4) этап второй копии (ОРГМТ, ф. 1, оп. 4) → 5) этап наборной рукописи (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5) → 6) этап корректур «Посредника» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6) → 7) этап публикации «Посредника» (1885–1886) → 8) этап публикации 12-й части «Сочинений графа Л. Н. Толстого» (1886, основной текст).

Уже в **автографе** (ОРГМТ, ф. 1, оп. 1), как раскрывает критическое его исследование, создан сюжетно-событийный остов. Пока нет кульминационной части, лапидарна, эскизна рецепция христианских святынь Палестины. Но сразу намечена композиционная антитеза главных героев – крестьян-паломников, «богача» и середняка Ефима и Елисея (здесь: Ермила и Анисима). Художественное изображение психологических свойств поэтического образа соотносено в сознании автора с идеей и пафосом произведения (деятельная

помощь страждущим как путь жизни, способ приближения человека к Богу). Формируется широкий круг второстепенных персонажей: родня двух стариков, семья из Малороссии, жители обеих деревень, странник, иерусалимский попутчик богатого мужика. Социальные реалии (изображение неурожая и голода, крестьянского труда и быта) выступают необходимой предпосылкой художественного и оттесняют на второй план паломническую линию сюжета.

Мы констатируем, что в **первой копии** (ОРГМТ, ф. 1, оп. 2) Л. Н. Толстой развивает характеристики главных героев – Ермила и Анисима (позже: Елисея). Центральна для писателя широкая панорама голода в малороссийской деревне, он сосредоточен на изображении голодающих людей (состав семьи и портретные зарисовки представителей крестьянского рода «Гришка»).

Изучая **рукопись** (ОРГМТ, ф. 1, оп. 3), мы выяснили: на данном этапе повествование впервые разделено на IX глав; была написана кульминационная часть. Для автора первостепенны – усиление гуманистического пафоса в описании голода и его последствий (болезни, повсеместная безработица, вынужденное попрошайничество, трагедия его детской формы), жесткая критика социального расслоения в крестьянстве (образ кулака, которому были заложены земля и покос «Гришка»), тщательная отделка образов семьи крестьян-малороссов.

Расширение паломнической истории Ефима (здесь: Ермила), по нашему наблюдению, выражено в новых лапидарных сюжетных ходах (здесь: VII глава). Они затрагивают географию путешествия, темы поклонения святыням, приема «поклонников» в «Патриаршем» и «Авраамовом» «монастырях». Патетические эскизы приделов храмового комплекса Воскресения Христова проникновенно воссоздают моменты распятия Иисуса Христа. Антитезу «личного» и «общего» «блага» на фоне эпидемии голода и смертей от него фиксирует лейтмотив денег, потраченных или украденных во время паломничества.

Мы также убедились в том, что текстологическая ретроспектива реплики девочки о «плешином» ангеле (фрагмент о том, как малороссийская семья с благодарностью рассказывает Ефиму (здесь: Ермилу) о добрых делах его «кума» Елисея) в кульминационной части (здесь: VIII глава) представляет собой красноречивый образец *самоцензуры, нетворческой правки автора исходного замысла*. Этот показательный эпизод в истории создания наглядно иллюстрирует опасение Л. Н. Толстого вероятного запрещения произведения духовной цензурой, что исказило фрагмент; подробности этого случая раскрыты в эпистолярном диалоге Толстого и В. Г. Черткова за октябрь 1885 г.: см. письмо В. Г. Черткова к Л. Н. Толстому от 20 октября, письмо Л. Н. Толстого к В. Г. Черткову от 23 октября, письмо В. Г. Черткова к Л. Н. Толстому от 26 октября.

Надо признать, что изменения **второй копии** (ОРГМТ, ф. 1, оп. 4) невелики и избирательны. Толстой заполняет лакуны, вводит в повествование недостающие его звенья. Иерусалимский паломник, «степенный» мужик, назван здесь, как и в основном тексте, Ефимом (ранее его имя было Ермил). Обогатили географию пилигримства конспективные наброски святых мест, расположенных в окрестностях древнего («Старого») города. В поле зрения автора: Вифания, Вифлеем, Масличная (Елеонская) гора, дерево, на котором повесился Иуда Искариот. Впервые появился в произведении эпиграф (Евангелие от Иоанна, IV глава, стихи 19-23); он афористично оттеняет нравоучение, назидательный «выклад» «Двух стариков»: «поклонение» Богу и святыням достигается не внешними признаками почтения, а напряженной духовной работой над собой.

Мы заключаем, что частичные стилистические и смысловые уточнения **наборной рукописи** (ОРГМТ, ф. 1, оп. 5) скрепляли общую картину рассказа: композиционную антитезу главных героев, образа странника к паломникам, «прозрение» Ефима (его признание самому себе в том, что у Гроба Господа были только его ноги). Нам удалось проследить, как раскрыта в повествовании новая «вставка», символический образ «пуп земли». Это понятие вскрыло осмысление Л. Н. Толстым «центра мира» – города Иерусалима и святого места возле входа в пещеру Гроба Господня (храм Воскресения Христова). Для нас очевидно: писателю ценны и значимы историческая ретроспектива архитектуры этого памятника, восприятие христианства как крупного мирового вероисповедания.

3. Проблема вторжения в авторский замысел в рассказе «Два старика» *впервые* освещена на примере 4 фрагментов сохранившейся ранней корректуры к первой публикации в «Посреднике» (ОРГМТ, ф. 1, оп. 6), которые вызвали бескомпромиссную критику редакторов-подготовителей, помощников Л. Н. Толстого П. И. Бирюкова, А. М. Калмыковой и В. Г. Черткова.

Наш опыт показал: небольшие текстологические «разногласия» выявляют глубинное несовпадение точек зрения на тему эстетической содержательности реалистического искусства между Толстым и его близким окружением. Мы убедились, что обрисовка больной малороссийской женщины воспринималась как патологическое и грубое явление, как проявление «безобразного» в произведении, что оппоненты писателя слишком узко понимали вопрос о том, как обеспечивается баланс в соотношении художественного мира и реальности. Стремление «исправить», убрать «неправду» в репликах одного из главных героев, Елисея, мотивировано «упрощенной», примитивной установкой на «копирование» действительности искусством, на «точечную» верность художественных образов «правде» жизни.

Подводя итог, отметим, что нежелание писателя принять навязываемые ему «поправки» и проявленное им упорство в сохранении своих вариантов вытекали из его твердой убежденности в *равновесии* между действительностью и идеалом, между «естественным» изображением человека и идеализированным его олицетворением в персонажах. Как было им сказано в «Предисловии к сборнику “Цветник”» (1886), «правда» вымысла, изображение того, «что никогда не бывало и не могло быть» (Толстой, 1937, с. 308), является наиболее востребованной формой творчества. «Воссоздание» реального может быть достигнуто только в свете идеального образа человека.

Перспективу дальнейшего исследования проблем текстологии и поэтики рассказа «Два старика» (1885-1886) мы видим в детальном изучении материалов первых его публикаций в издательстве «Посредник» (1885-1886) и в 12-й части «Сочинений графа Л. Н. Толстого» (1886); это направление позволит уточнить верхнюю границу в датировании произведения и определить особенности заключительного этапа в истории его создания.

Источники | References

1. Гладков Б. И. Толкование Евангелия. Репринтное издание. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2002.
2. Громова-Опульская Л. Д. Комментарии // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 100-та т. М.: Наука, 2000. Т. 1 (19). Редакции и варианты художественных произведений 1850-1856 гг. / ред. т. К. Н. Ломунов.
3. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: материалы к биографии 1881-1885 годов. М.: Изд-во АН СССР, 1970.
4. Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1958. Т. 1. 1828-1890.
5. Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов: полное собрание переписки: в 2-х т. / сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова; под ред. А. А. Донскова. Оттава: Оттавский университет, 2003. Т. 2.
6. Лихачев Д. С. Текстология: краткий очерк. М.: Наука, 2006.
7. Описание рукописей художественных произведений Л. Н. Толстого / под общ. ред. В. А. Жданова. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
8. Опульская Л. Д. Комментарии // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22-х т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. М.: Художественная литература, 1982. Т. 10.
9. Отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого (ОРГМТ).
10. Письма Н. Н. Страхова к Н. Я. Данилевскому. XXII-XXX / сообщ. И. И. Матченко // Русский вестник. 1901. Т. 272. Март.
11. Сизова И. И. Рассказ Л. Н. Толстого «Упустишь огонь - не потушишь»: проблемы творческой истории // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3.
12. Сочинения графа Л. Н. Толстого: в 14-ти ч. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. Ч. 12. Произведения последних годов.
13. Срезневский В. И. «Два старика». История писания и печатания // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1937. Т. 25.
14. Срезневский В. И. Примечания // Толстой Л. Н. Полное собрание художественных произведений: в 15-ти т. / под ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М. - Л.: Государственное издательство, 1930. Т. 10.
15. Толстой Л. Н. Два старика. М.: Тип. И. Д. Сытина и К°, 1886.
16. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1934. Т. 63. Письма 1880-1886 гг.
17. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1935. Т. 85. Письма к В. Г. Черткову 1883-1886 гг.
18. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1937. Т. 25.
19. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90-та т. / под общ. ред. В. Г. Черткова. М.: Художественная литература, 1952. Т. 48. Дневники и записные книжки 1858-1880 гг.

Информация об авторах | Author information

Сизова Ирина Игоревна¹, к. филол. н.

¹ Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Sizova Irina Igorevna¹, PhD

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Moscow

¹ u_sizova@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.01.2022; опубликовано (published): 28.02.2022.

Ключевые слова (keywords): история создания народного рассказа Л. Н. Толстого «Два старика» (1885-1886); рукописный фонд рассказа «Два старика»; архивы Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова и издательства «Посредник»; текстология и поэтика; теория художественного творчества; history of creation of L. N. Tolstoy's folk short story "Two Old Men" (1885-1886); manuscript collection of the story "Two Old Men"; archives of L. N. Tolstoy, V. G. Chertkov and the "Intermediary" publishing house; textual studies and poetics; theory of literary creativity.